

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.11>**ВЗАИМОСВЯЗЬ ОМОНИМИИ И СИНОНИМИИ В СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Научная статья

Гаджиева С.Г. *

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

* Корреспондирующий автор (mekhdymekhdya[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о взаимосвязи омонимии и синонимии в служебных частях речи на основе азербайджанского языка. В ходе исследования автор опирается на описательный и описательно-сравнительный методы лингвистики. Главная цель данной статьи выявить причину взаимосвязи омонимии и синонимии между вспомогательных слов азербайджанского языка. Все языковые факты, которые анализируются в данной статье, рассматриваются в сравнительном освещении с русским языком. При анализе языковых фактов отмечается, что омонимичность и синонимичность служебных слов связаны с их многофункциональностью. В конце статьи подводятся итоги исследования и указывается, что данный вопрос требует более широкого и детального изучения в будущем.

Ключевые слова: омоним, синоним, вспомогательные слова, служебные части речи, азербайджанский язык.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN HOMONYMY AND SYNONYMY IN THE AUXILIARY PARTS OF SPEECH IN THE AZERBAIJANI LANGUAGE

Research article

Gadzhieva S.G. *

Baku State University, Baku, Azerbaijan

* Corresponding author (mekhdymekhdya[at]mail.ru)

Abstract

This article discusses the relationship between homonymy and synonymy in the auxiliary parts of speech of the Azerbaijani language. In the course of the research, the author relies on descriptive and descriptive-comparative methods of linguistics. The main purpose of this article is to identify the cause of the relationship of homonymy and synonymy between auxiliary words of the Azerbaijani language. All the linguistic facts analyzed in this article are examined in a comparative coverage with the Russian language. During the analysis of linguistic facts, it is noted that homonymy and synonymy of auxiliary words is associated with their multifunctionality. At the end of the article, the author summarizes the results and notes that this issue requires a broader and more detailed study in the future.

Keywords: homonym, synonym, auxiliary words, auxiliary parts of speech, the Azerbaijani language.

Введение

Словарный запас языка состоит из слов, богатых лексическими и семантическими признаками. Все эти слова играют важную роль в формировании и выражении мысли человека. Вспомогательными частями речи являются также слова, которые помогают строить речь и формировать соответствующие мысли. С этой точки зрения вспомогательные части речи нельзя считать бессмысленными единицами. Одни из них служат для связи слов в предложении, другие придают речи особое значение, служат для более точного выражения мыслей, выступают в качестве «строевого элемента» [8, С. 48] в составе предложения. С этой точки зрения вспомогательные части речи, как и главные части речи, играют ключевую роль в формировании речи. «При этом грамматическая и синтаксическая сила служебных частей речи может варьироваться в зависимости от их функционирования и целостной прагматики предложения, которое они формируют» [13, С. 19].

«Конкретное свидетельство отсутствия у служебного слова необходимых качеств для того, чтобы выполнять полноценную номинативную функцию, можно получить, обратившись к любой словарной статье, посвящённой объяснению значения служебного слова: это объяснение не является толкованием, подобным толкованию знаменательных слов; оно является лишь иллюстрацией употребления служебного слова» [1, С. 8].

Хотя служебные части речи не имеют самостоятельного лексического значения, они оказывают существенное влияние на выяснение семантики внутри предложения. В этом смысле каждое из них объединяется в определенные группы по грамматической функции. Их объединение в соответствующих группах обусловлено функциональным положением этих слов. Вспомогательные части речи близки или сходны друг с другом по синтаксической функции, которую они выполняют в предложении, и по смысловым оттенкам, которые они передают языковой единице, к которой они принадлежат. Характер оттенков значения, придаваемого морфологической или синтаксической единице, в которой развиваются объединенные в группу вспомогательные части речи, носит общий характер. «Служебные слова в соответствии со своим статусом в системе языка таковы, что каждое из них, взятое в отдельности, представляет собой высочайшую самоценность: каждое из них типологически значимо; каждое вносит непосредственный вклад в формирование неповторимой специфики языка» [1, С. 9].

Интересно, что есть слова, относящиеся к одной служебной части речи, которые хотя иногда и омонимичны, но являются синонимами другой вспомогательной части речи по нескольким функциям одновременно. Отметим, что эта особенность относится не только к вспомогательным частям речи, но и к словам с самостоятельным лексическим

значением — основным частям речи. В этом случае между омонимией и синонимией не всегда наблюдается определенная внутренняя смысловая связь.

Связь между омонимией и синонимией служебных частей речи проявляется двояко: в первом случае омонимия находится в пределах соответствующей вспомогательной части речи, а во втором случае одно слово не является релевантным, но связано к другой служебной части речи. Первый факт в азербайджанском языке встречается редко, потому что одному и тому же слову трудно выполнять разные функции в пределах служебной части речи. Однако нередки случаи, когда одно и то же слово по разным причинам относится к той или иной служебной части речи, и выполняет разные функции.

Главная цель данного исследования анализировать омонимию и синонимию компонентов служебных частей речи в азербайджанском языке, исследовать их схожие и отличительные функции в речи.

Методы и принципы исследования

Классификация служебных слов, как особенная группа частей речи, всегда был предметом разногласий среди лингвистов. Например, А.А.Реформатский считал, что эти слова можно классифицировать, как вспомогательные части речи [7]. Е.Р.Курилович же полагает, что эти слова, а также лексические элементы, которых можно включить в эту группу многофункциональны [4].

Изучая грамматический строй современного азербайджанского языка, М.Гусейнзаде утверждает, что единицы служебных частей речи имеют свойства омонимичности. Наряду этим между ними также наблюдается синонимичность [11]. Но, вопрос омонимии и синонимии между вспомогательными лексическими элементами в азербайджанском языке в его трудах изучаются поверхностно. После него А.Абдуллаев, изучая семантические особенности сложноподчиненных предложений современного азербайджанского языка, более широко разъясняет полифункциональность союзов, которые выступают связывающим элементом между компонентами [10]. В рамках данной статьи мы постараемся рассмотреть омонимичность и синонимичность служебных частей речи на основе азербайджанского языка.

Основные результаты

Омонимия и синонимия служебных частей речи

Известно, что синонимия и омонимия лексическое явление, т.е. «они относятся к словам с лексическим значением» [7, С. 91]. Но в лингвистической литературе утверждается, что эти явления можно отнести и грамматическому значению. Е.Р.Курилович отмечает, что значение — это абстракция [4, С. 78]. В.А.Звегинцев считает общее значение комбинацией конкретных значений в обыденном смысле, что в конечном итоге создает абстракцию [3, С. 217].

В азербайджанском языке существуют такие служебные части речи, которые имеют синонимическую черту внутри той функциональной группы, к которой принадлежат. Конечно, не всегда слова, выполняющие одну и ту же функцию, могут заменять друг друга. Причина этого в том, что соединение этих слов происходит не по семантическому принципу, а по абстрактно-грамматическому содержанию. В ином источнике данная черта вспомогательных слов называется «полифункциональностью». Автор этого высказывания отмечает, что «считаем возможным выделять в качестве особого класса языковых единиц полифункциональные служебные слова. В качестве критериев, позволяющих отнести конкретные языковые единицы к данному классу, предлагаем следующий набор признаков: данные единицы представляют собой функциональный омоккомплекс; включают в состав различные переходные и синкретичные явления; как правило, имеют сложную семантическую структуру; имеют сложную систему парадигматических и синтагматических отношений; обладают особым функционально-коммуникативным и прагматическим потенциалом; способны функционировать в синтаксических конструкциях различного типа, в том числе и переходных; часто сохраняют этимологическую связь со словами или формами, на основе которых были образованы» [2, С. 56].

Например, в азербайджанском языке частица «*ki*» в зависимости от контекста может употребляться как усилительный элемент вопросительной интонации, так и показатель эмоционального всплеска в речи в обычных предложениях, без интенции спросить чего-либо. С данной точки зрения его можно считать омонимичной частицей.

Исследуя исторические тексты на азербайджанском языке, можно наблюдать, что данная частица до средневековья выступала исключительно в качестве союза. В современном азербайджанском языке частица «*ki*» выполняя функцию элемента вопросительной интонации придает ему особенный эмоциональный окрас. Например, *Burada həll edilə bilməyəsi nə var ki?* — *А что здесь такого, чего нельзя решить?*

Данное выражение является вопросительным предложением. Частица «*ki*» — «а» не является здесь вопросительным показателем, а только придает эмоциональный фон высказыванию. «Автор речи с помощью модальных частиц актуализирует, своё высказывание, вносит уточнение в суть сообщения» [5, С. 61]. Если его убрать, суть предложения не изменится, а изменится всего лишь его эмоциональный фон. Например, *Burada həll edilə bilməyəsi nə var?* — *Что здесь такого, чего нельзя решить?*

На самом деле, когда это слово употребляется как усилительная или вопросительная частица, возникают определенные различия, что дает повод к их изучению как разные виды частиц. Во-первых, в азербайджанском языке вопросительная частица обычно используется рядом с сказуемым, а усилительная частица может стоять рядом с любым словом. Во-вторых, при исполнении вопросительной функции, частицы употребляются в вопросительных предложениях, образованных с участием вопросительного местоимения. Наконец, в любом случае, когда в предложении имеется усилительная или вопросительная частица, их можно заменить соответствующими синонимами в той группе значений, к которой они принадлежат.

Рассматривая омонимичность на основе частицы «*ki*», хотим отметить, что данная частица в азербайджанском языке также является уточняющим союзом и служит соединительным элементом для большинства типов ветвей

сложного предложения с основным предложением. Например, *Maşın elə sürətlə gedirdi ki, göy zəmilər bütöv bir xalça kimi görünürdü.* – *Автомобиль ехал так быстро, что зеленые поля были видны как большой ковер.*

Здесь азербайджанская частица «ki» является эквивалентом «что» в русском языке. Анализируя данный пример, можно сказать, что эти предложения связаны между собой смыслом и без данного союза. Но, с союзом «ki» смысловая связь между этими компонентами сложного предложения усиливается. Значит, даже выступая в роли союза данный лексический элемент сохраняет значение усиления. «Можно заключить, что в союзах кроется не только выражение отношений взаимозависимости между компонентами высказывания, но и отношений в самой действительности» [9, с. 67]. Данный факт подтверждает то, что оба элемента этимологически имеют единый корень. Это весьма заметно, когда частица «ki» употребляется рядом с сказуемым. Например, 1) *Babam elə gözəl nağıllar danışır ki, qulaq asmaqdan doymurdum* – *Дедушка рассказывал такие красивые сказки, что я неустанно слушала его;* 2) *Babam elə gözəl nağıllar danışır ki!* – *Дедушка такие красивые сказки рассказывал!*

В первом предложении данный элемент выступает в качестве союза между предложениями, а во-втором предложении служит как усилительная частица. Можно утверждать, что второе предложение является эллиптической трансформацией первого. По данному поводу А.Зейналов пишет так: «., первая причина, по которой союз трансформировался в частицу, заключалась в том, что вторая часть придаточно-сложного предложения не приносилась сознательно» [14, С. 211].

Т. Музаффароглу более четко следит за данным процессом. Автор показывает, что ответвление не теряет союза «ki», который является основным средством в соединении главного предложения с придаточным предложением и который употребляется на границе придаточного и основного предложения. Поскольку указательное местоимение в этих предложениях теряет свою корреляционную функцию, оно приближается к частице и служит в качестве стимулирующего элемента. Союз «ki», служащий для соединения компонентов в сложноподчиненном предложении, в новой позиции превращается в усилительную частицу» [12, С. 150].

Г. Полищук отмечает, что в речи главное предложение может развиваться без придаточного. Как правило, эти предложения имеют эмоциональное значение, которое выражается в лексической нагрузке основного предложения, а придаточное предложение определяет смысл целой конструкции [6, С. 159].

Именно, данный факт показан в примере выше. Следовательно, можно предположить, что «ki» во-втором примере произошел от первого; в первом армирование, которое было относительно скрыто, во втором было усилено и трансформировано в единственную функцию. В обоих случаях оно выступает как асемантическая морфема, не придавая конструкции особого значения.

Схожая ситуация в азербайджанском языке наблюдается с морфемами *-sa*, *-sə* [-джа, джэ]. В современном азербайджанском языке данный морфем выполняет функцию и предлога, и частицы, а также встречается в роли причастия и иногда выступает в качестве словообразующего суффикса.

Данный морем выполняя функцию предлога в азербайджанском языке соответственно контексту выражает три семантических оттенков. Рассмотрим данный случай на основе примеров:

Daryaca ağlın olsa, yoxsul olsan, gülərlər — *Имея ум морем (размером моря), над тобой будут смеяться, если ты беден.*

Nə gözəldir yol boyunca söyüdlər. – *Какие красивые ивы вдоль дороги.*

Sözün quruluşca üç növü var. – *По структуре слова имеют три вида*

Выполняя функцию предлога в первом случае морфема «*-sa*» является синонимом предлога с сравнительным значением «*qədər*», что не имеет лексического эквивалента в русском языке. Во-втором случае данная морфема выступает как синоним предлога единения «*ilə*» в азербайджанском языке. В переводе предложений с таким предлогом на русский язык, как видно из примера, эквивалентно выступает «в». В третьем примере оно выступает синонимом предлогов «*görə*, *əsasən*», что является эквивалентом предлога «по» в русском языке.

С добавлением данного морфема в основу прилагательного в азербайджанском языке формируются новые прилагательные со степенью умножения. Например, *Xirdaca işlərlə işi olmazdı* – *Он не занимался мелочами (очень мелкими делами).*

В данном примере в составе слово морфема «*-sa*» переводится на русский язык, как «*очень*», тем самым формируя новое слово с более увеличенным или умноженным значением.

Иной случай подобной омонимии в азербайджанском языке демонстрирует слово «*ancaq*» ([ándжаг]), которое в большинстве случаев переводится на русский язык как частица («как только») или союз («но»). Но в данном случае исследователи утверждают, что союз «*ancaq*» и частица «*ancaq*» в азербайджанском языке по этимологии имеют разные происхождения. По данному поводу Ф.Зейналов пишет так: «Это слово в предложении приобретает понятие отрицания, сравнения, противоречия, которое вытекает из контекста, оно в данном случае выполняет функцию связки. Это слово функционирует в качестве частицы тогда, когда оно служит для создания нового оттенка значения с точки зрения ограничения, дифференциации» [14, С. 184].

Однако следует отметить, что грамматические значения, которые данное слово придает предложению, различны. Это различие связано с тем, что оно выполняют разные функции. Функция данного слово в обоих позициях заключается в соединении компонентов. Хотя эта функция первична для связующего, она вторична по отношению к частице. Например, 1) *Cümşüd onu görəndə özünü itirdi, ancaq tez də özünü ələ aldı* — *Джумшуд растерялся, когда увидел ее, но вскоре взял себя в руки;* 2) *Həqiqətin nə yerdə olduğunu biləndə ancaq yaman sarsıldı.* — *Он очень расстроился как только узнал правду.*

В каждом предложении наблюдается значение сопоставления, но в первом предложении данное значение не очень четко вытекает из содержания. Поскольку слово «*ancaq*» здесь выступает в роли союза, его с легкостью можно заменить синонимичными ему единицами, такими как, «*amma*» и «*lakin*»: *Ayaq üstə durub diqqətlə dinlədi, ancaq(lakin // amma) bir azdan həqiqətin nə yerdə olduğunu biləndə yaman sarsıldı.*

Обсуждение

Различие между двумя омонимичными языковыми единицами обусловлено, конечно, только функциональным положением слова. Поскольку союз не только связывает слова, но и играет роль в образовании соответствующей смысловой связи между компонентами, либо в прояснении этого содержания. А частица не связывает компоненты внутри предложения, она не участвует в создании каких-либо содержательных отношений между ними. «Использование в речи частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой позволяют автору высказывания выразить свои чувства, дать оценку своему сообщению, отразить степень уверенности, предположения или сомнения» [5, С. 61]. Таким образом, в омонимичных синтаксических конструкциях синонимы служебных частей речи играют роль в определении смысловой связи между перечисленными компонентами.

Каждая служебная часть речи имеет свое грамматическое значение и функцию. Однако у них также наблюдаются идентичные, схожие функции, как по отдельности, так и в рамках более крупной структуры. Они входят в состав системы служебной части речи, выполняют грамматическую функцию и имеют в этом отношении функциональное сходство. Этот аспект проявляется в связующих функциях союзов, в усилении соответствующего содержания частиц и союзов и т.д. Поэтому можно увидеть функциональную связь и близость между разными служебными частями речи, даже между разными видами служебных частей речи.

Заключение

Все это показывает, что сопоставление синонимических и омонимических отношений служебных частей речи является одновременно и сложной проблемой, и языковым явлением, играющим важную роль в определении и уточнении грамматико-функциональных признаков соответствующих слов. Поэтому возникает необходимость в более широком и детальном изучении данного вопроса.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Блох М. Я. Слово и его воплощение / М. Я. Блох // Вестник Иркутского лингвистического университета. — 2012. — № 1 (17). — С. 6-15.
2. Григорьева Н. О. Статус полифункциональных служебных слов в системе языка / Н. О. Григорьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2013. — № 2 (121). — С. 55-61.
3. Звегинцев В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. — Москва: Изд. Московского Университета. — 1957. — 321 с.
4. Курилович Е. Р. Заметки о значении слова / Е. Р. Курилович // Вопросы языкознания. — 1955. — №3. — С.76-89.
5. Негматова С. М. Частицы как средство выражения субъективной модальности / С. М. Негматова // Вестник Педагогического университета. — 2021. — № 1 (90). — С. 60-63.
6. Полищук Г. Г. Незавершенные высказывания в разговорной речи / Г. Г. Полищук // В.кн. «Переходность в системе сложного предложения в современном русском языке». — Казань: «Изд.-во Казанского университета». — 1982. — С. 148-164.
7. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. — Москва: Изд. 4-е. — 1967. — 464 с.
8. Султанбаева Х. В. К проблеме выделения служебных частей речи в тюркологии / Х. В. Султанбаева // Вестник Башкирского университета. — 2007. — Т. 12. — № 2. — С. 47-49.
9. Ячин С. Е. Союзы как языковые универсалии / С. Е. Ячин, И. Н. Кохан // Манускрипт. 2019. — Т. 12. — № 2. — С. 66-70.
10. Abdullayev Ə. Müasir Azərbaycan dilində tabeli mürəkkəb cümlələr / Ə. Abdullayev. — Bakı: "Maarif". — 1974. — 417 s.
11. Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dili, III hissə. Morfologiya / M. Hüseynzadə. — Bakı: Şərq-Qərb. — 2007. — 420 s.
12. Muzaffaroglu T. Muasir Azerbajdzhan dilinde murekkeb dzhumlenin struktur semantikasy / T. Muzaffaroglu. — Baku: Azerneshr, 2002. — 304 p.
13. Uryson E. V. Conjunctions, Contextualizers, and Syntax Theory / E. V. Uryson. // Studies in Applied Linguistics. — 2013. — Vol. 7. — Iss. 2. — PP. 7-20.
14. Zeynalov F. Müasir türk dillərində köməkçi nitq hissələri / F. Zeynalov. — Bakı: Maarif. — 1971. — 340 s.

Список литературы на английском / References in English

1. Blokh M. Y. Slovo i ego voploshhenie. [On the incarnation of the word] / M. Y. Blokh // Vestnik Irkutskogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of the Irkutsk Linguistic University]. — 2012. — No. 1 (17). — Pp. 6-15. [in Russian].
2. Grigor'eva N. O. Status polifunktional'nyh sluzhebnyh slov v sisteme jazyka [The status of polyfunctional function words in the language system] / N. O. Grigor'eva // Vestnik Aдыгейского gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and art history]. — 2013. — № 2 (121). — PP. 55-61. [in Russian].
3. Zvegincev V. A. Semasiologija [Semasiology] / V. A. Zvegincev. — Moscow: Moscow University Publ. — 1957. — 321 p. [in Russian].
4. Kurilovich E. R. Zametki o znachenii slova [Notes on the meaning of the word] / E. R. Kurilovich // Voprosy jazykoznanija [Issues on linguistics]. — 1955. — №3. — Pp.76-89. [in Russian].

5. Negmatova S. M. Chasticy kak sredstvo vyrazhenija sub#ektivnoj modal'nosti [Particles as a means of expressing] / S. M. Negmatova // Vestnik Pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Pedagogical University]. — 2021. — № 1 (90). — PP. 60-63. [in Russian].
6. Polishhuk G. G. Nezavershennyye vyskazyvaniya v razgovornoj rechi [Incomplete statements in colloquial speech] / G. G. Polishhuk // V.kn. «Perehodnost' v sisteme slozhnogo predlozhenija v sovremennom russkom jazyke» [In the book: "Transitivity in the system of complex sentences in modern Russian"]. — Kazan: Kazan University Publ. — 1982. — PP. 148-164. [in Russian].
7. Reformatsky A. A. Vvedenie v jazykoznanie [Introduction to linguistics] / A. A. Reformatsky. — Moscow: IV ed.. — 1967. — 464 p. [in Russian].
8. Sultanbaeva H. V. K probleme vydelenija sluzhebnyh chastej rechi v tjurkologii [On the problem of identifying service parts of speech in Turkology] / H. V. Sultanbaeva // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]. — 2007. — Vol. 12. — № 2. — PP. 47-49. [in Russian].
9. Yachin S. E. Sojuzy kak jazykovye universalii [Conjunctions as language universals] / S. E. Yachin, I. N. Kohan // Manuskript [Manuscript]. 2019. — Vol. 12. — № 2. — Pp. 66-70. [in Russian].
10. Abdullayev A. Muasir Azerbajdzhan dilinde tabeli murekkeb dzhumleler [Subordinate compound sentences in modern Azerbaijani language] / A. Abdullayev. — Baku: Maarif. — 1974. — 417 p. [in Azeri].
11. Huseynzade M. Muasir Azerbajdzhan dili: Morfologiya [Modern Azerbaijani language: Morphology] / M. Huseynzade. — Baku: Sharg-Garb. — 2007. — 420 p. [in Azeri].
12. Müzəffəroğlu T. Müasir Azərbaycan dilində mürəkkəb cümlənin struktur semantikasi / T.Müzəffəroğlu. — Bakı: «Azərənşər», 2002. — 304 p. [in Azeri]
13. Uryson E. V. Conjunctions, Contextualizers, and Syntax Theory / E. V. Uryson. // Studies in Applied Linguistics. — 2013. — Vol. 7. — Iss. 2. — PP. 7-20.
14. Zeynalov F. Muasir turk dillerinde komekchu nitg hisseleri [Auxiliary parts of speech in modern Turkic languages] / F. Zeynalov. — Baku: Maarif. — 1971. — 340 p. [in Azeri].